

поненты смысла (см. анализ ассоциантов, манифестирующих глубинный уровень значения).

Анализ данных эксперимента позволяет также сделать предварительный (нуждающийся в дальнейшем обосновании) вывод о зависимости глубины и характера ассоциативного фона слова-гибрида от его структурных особенностей. Так, в словах-гибридах, полученных путем переосмысления сложных слов, при их восприятии доминирует семантика псевдомотиватора (см., например, *орденопросец*), а в новообразованиях-гибридах, полученных путем переосмысления простых (несложных) слов, при равнозначности смысловых «импульсов» слова-прототипа и псевдомотиватора создаются самые разнообразные (порой непредсказуемые) семантические комбинации (см., например, *уратор*). При восприятии семантики гибридных новообразований, полученных путем переосмысления фразеологизированных словосочетаний, наиболее частотны ситуативно характеризующие ассоцианты (*однозаразовые шприцы, фунты-стервинги* и т.п.).

Наконец, важно отметить тот факт, что именно контаминационная структура слова-гибрида при НЛМ определяет возможность широкого варьирования ассоциаций в рамках семантических полей лексемы-прототипа и псевдомотиватора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ См.: Костюков В. М. Об одной разновидности индивидуально-авторских слов // Рус. яз. в школе. 1986. № 4.

² Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

³ Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М., 1983. Гл. 4. «Языковая игра». С. 172.

⁴ См.: Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.

⁵ Подготовка учителя-словесника: Лингвистический и методологический аспекты: Учеб. пособие для слушателей ФПК. М., 1987. Гл. 1. § 4 «Лексическое значение слова и его структура». С. 22.

Лексическая семантика. Свердловск, 1991.

Н. Е. СУЛИМЕНКО

Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена

ФРАГМЕНТ ТЕЗАУРУСА И ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА ТЕКСТА

Выявляются факторы предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем «контекстов ожидания».

Логика развития науки такова, что время от времени в ней происходит смена научных парадигм. В настоящее время в лингвистике все большее распространение получает подход,

согласно которому «успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания»¹. С этим подходом связано пристальное внимание лингвистов к проблемам речемыслительной деятельности (С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, В. А. Звегинцев, В. Н. Сидоров, Г. В. Қолшанский и др.), к проблемам языковой личности (Ю. Н. Караулов), дискутируется вопрос о соотношении мышления и знания, об отражении картины мира, фоновых, ситуативных знаний, информационного тезауруса в содержании лингвистических единиц и текстовых построений. Поскольку язык перестал рассматриваться только как конструкт, статичная схема, каким он представал в рамках структурального подхода, внимание к его динамике повлекло за собой необходимость учета в научных построениях реального субъекта речемыслительной деятельности — человека с его жизненным опытом, системой ценностей, коммуникативными потребностями, суммой знаний. По словам Ю. Н. Караулова, фактически лишь в наше время языковеды научились в полной мере связывать представления о внутренней и внешней структурах языка, связывать «социальную функциональную и территориальную стратификацию языка с теми или иными строевыми его особенностями»².

Наблюдения психологов и психолингвистов вносят дополнительную аргументацию в положение о включенности когнитивного компонента в содержательную структуру языковой единицы. Так, А. А. Залевская, отмечая включенность слова в индивидуальном сознании в «когнитивный контекст сложившейся у человека концептуальной системы», считает, что «исследование слова в различных видах языкового контекста должно сочетаться с обязательным учетом взаимодействия последнего с когнитивным и эмоциональным контекстами, ибо вне такого взаимодействия само понятие слова как единства формы и значения теряет всякий смысл (напомним, что значение содержится не в слове, а в сознании идентифицирующего его индивида)»³. В основе данного утверждения лежит представление о единстве психической сферы человека и положение С. Л. Рубинштейна о том, что «мышление и знание вообще неотделимы друг от друга»⁴.

А. А. Залевской приводится убедительная система аргументов в пользу контенсивной теории слова, изложенной Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым⁵, идея о переплетении лингвистических и энциклопедических знаний в общих схемах памяти, о вращении новой информации в старую с опорой на импликацию. И если считать аксиоматичным положение о связи языка и мышления, то естественно признание участия в формировании значения слова структуры знаний, информационного тезауруса человека как базы его речемыслительной деятельности. Непосредственной зоной соприкосновения этих двух типов знания и перехода знаний о мире в языковые выступают пресуппозиции.

Не менее значимо для лингвистов положение о подобии вербальной и визуальной семантики на глубинном уровне, об образе как генетически первичной, «ядерной» структуре значения. В системе аргументации включено и положение современной логики о диалектике взаимоперехода понятия и суждения, благодаря которой понятие выступает как результат целостной совокупности суждений (потенциальная предикация как итог реальной предикации). Оно, думается, объясняет не имеющий однозначного истолкования факт включения потенциальных, скрытых сем в структуру, например, лексического значения при вероятностном его истолковании, как и правомерность самого этого истолкования, ибо если считать понятие свернутой формой суждения, то суждения тоже предстают как переменные и способные проецировать в понятие разные свои компоненты; они отражают динамику живой человеческой мысли. Из нее же выведен принцип сочетания осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, голографическая гипотеза хранения и свертывания информации. Ср.: «То, на чем фокусируется внимание, попадает в «окно сознания», оно объективируется посредством слова, в то время как составляющие фон связи учитываются на подсознательном уровне и могут в случае необходимости быть объективированными через перенесение фокуса или изменение «угла зрения»⁶.

Значимость экстралингвистических факторов в становлении языковых значений и их употреблений, понимание связи процессов человеческой памяти и тех, которые определяют производство и понимание языковых сообщений, отразились в методике привлечения планов, сценариев, фреймов для лингвистических целей. Это структуры знаний, которые представляют собой «пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают удовлетворительную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Они играют существенную роль в функционировании естественного языка»⁷. Аспекты этой роли — обеспечение связности текста, вывода необходимых умозаключений, «контекстов ожидания», позволяющих прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий»⁸.

Много общего с описанными структурами знаний имеют гнезда дескрипторов Русского семантического словаря (РСС), выступающие фрагментами тезауруса, отражающие типовые стандартные связи в гнезде, объединенном общим понятием, и содержащие кванты информации в виде семантических множителей. Близость ролей фрейма, сценария и гнезда дескриптора ясна из предисловия к Словарю, предоставляющего право пользующемуся им на понятийном входе (от дескриптора к слову) «осуществлять выбор и реализовать дальнейшие возможности системы, например... порождать из словарной статьи связный и

достаточно изотопный текст для характеристики соответствующего понятия»⁹.

Особый интерес представляет изучение возможности и степени предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем «контекстов ожидания», а также границ прогнозирования текстовой информации и мотивов, определяющих эти границы.

Для анализа мы взяли серию миниатюр Ю. Бондарева «Мгновения», лирико-философских по жанру и содержанию (первый фильтр, препятствующий совпадению состава гнезд дескрипторов и тематической сетки текста). Основанием для выявления зоны соответствий и расхождений связей слов в РСС и тексте послужили те миниатюры, которые имеют в качестве заглавия слово, являющееся «заглавием» в словаре, т.е. представленное в перечне дескрипторов.

Рассмотрим тематическую сетку миниатюры «Война» в сопоставлении ее с гнездом соответствующего дескриптора. Прямое соответствие по составу членов обнаруживают только два слова, выступающие ключевыми в гнезде и в тексте: *война* и *солдат* (хотя в гнезде дескриптора 53 слова). Но и у этих слов и состав актуализованных сем, и их яркость отличаются от словарных. Так, в перспективе текста угасает, теряет яркость сема 'вои-' слова *солдат*, сохраняется и усиливает свою яркость сема 'вое-'. Это связано с осмыслением войны как явления, противного человеческой природе, вынужденного даже для солдата, выполняющего свой долг; вторая из названных сем усиливается благодаря повествовательной направленности текста, влекущей за собой изображение событий, процесса (*воевать*). Подобное осмысление ослабляет яркость и многих сем слова *война*: 'вра-', 'гос-' — и наводит иные семы: 'зло', 'жестокость'. Зона расхождений определяется рематической сутью замысла: «Замысел высказывания, по современным представлениям лингвистов и психологов, двуличен. Он содержит указание на предмет высказывания и на то новое, что об этом предмете необходимо сказать. Первое принято называть темой, второе — ремой»¹⁰.

Замысел миниатюры раскрыт в заключительном, рематически значимом высказывании: «Есть периоды в человеческой истории, когда добро и зло ходят в обнимку, шатаясь от жестокого хмеля» (11) *. В соответствии с этим слово *война* употреблено в рематически и тематически значимой позиции заглавия, а также в конце рассказа об убийстве нашим солдатом раненого пленного немецкого офицера: «Потом из ближней хаты вышел старик, глянул из-под ладони вслед удалявшимся солдатам, погладил на убитого немецкого офицера, покачал головой, забормотал печально, тихо: «Эх, война, война... А ведь мать у него,

* Здесь и далее в скобках указана страница по следующему изданию: Бондарев Ю. Мгновения. М., 1988.

должно, где есть. Эвон молодой какой, прости господи...». И, жалостливо вздыхая, стянул сапоги с убитого, затем, подумав, и шерстяные носки снял» (11). В изображении драматизма войны автор отступает от стереотипных оценок ситуации, хотя и ориентируется на нормативные presupпозиции читателя, его картину мира. Нестандартность оценки, выступающая в реализации текстовой категории модальности, влечет за собой нестандартное развертывание в перспективе текста и многократное усиление яркости семы 'бор-' заглавного слова. Она выводит текстовую парадигму за пределы прогнозируемого ожидания ввиду описания порождаемого борьбой состояния «жесточкого хмеля», психологических сдвигов, рождаемых ситуацией войны. Отсюда подключение слов и словосочетаний, раскрывающих это итоговое определение в следующих текстовых фрагментах: «Из проулочка навстречу им, *шатаясь от возбуждения* от минуты назад пережитой атаки, выбежал коренастый солдат в распахнутом ватнике с прижатым к груди *раскаленным* стрельбой автоматом. *Злые, черноугольные глаза* солдата *неистово блеснули* на пленного, *зыркнули* на конвоира; *цигарка, зажатая в зубах, горячо разгоралась*, он *жадно* затягивался, не выпуская дым, а глотая *хриплыми вдохами*» (10). Ср. развитие этой темы далее: «крикнул *задохнувшимся* голосом», «коренастый, *оскалясь, подскочил* к пленному», «*прохрипел* солдат», «*хрипло и страшно захохотал, как безумный*». Иррадиация семантики доминирующей темы на другие слова текста обнаруживается в межчастеречных сближениях этих слов по семе интенсивности (состояния, движения, звучания, светоизлучения и др.). По мере развертывания сюжета меняется и характер номинации в сторону усиления неодобрительной коннотации: «коренастый солдат», «коренастый, низкорослый солдат». Она усиливается и благодаря уменьшению яркости семы 'вра-', ибо враг — это пленный, раненый, чья беспомощность постоянно подчеркивается автором по сравнению с силой и злобой победителя: «Офицер ранен, рука на перевязи, под меховой каскеткой — молодое, обросшее, испуганно заискивающее лицо» (10); «Он сморщился, заплакал, сгибаясь от боли и нянча свою окровавленную кисть, как ребенок.— Их есть... камрад!.. [солдат] *полоснул короткой очередью в перекошенное страхом и болью лицо немца, понявшего свою смерть лишь в последний момент. Он, мокро и коротко хлюпнул носом, вскинул дикие, отталкивающие неизбежное глаза, но сказать ничего не успел...*» (11). Но сила ненависти такова, что и в таком жалком виде раненый остался для солдата врагом, заслуживающим самых презрительных обозначений: «курва», «симулянт», «гад ползучий», «фашистская сволочь». Впрочем, состояние «жесточкого хмеля» распространяется и на обращение с конвоиром, не выдержавшим жесточкости расправы: «Нюня ты! Баба с мокрым подолом!.. Таких, как ты... самих надо!» (11). Все это выходит далеко за пределы «контекстов ожидания», заложенных во фраг-

менте тезауруса, слишком обобщенно отражающего стандартную ситуацию общения стандартных участников речевой деятельности (это своего рода усредненный, обезличенный каркас минимального типового текста, обладающего большой долей вероятности появления). Слово же в тексте как продукте речевой коммуникации «становится фактом интерперсонального действия (а точнее, взаимодействия адресата и адресанта.— Н. С.) и, вследствие проекции... значения на каждый раз заново создаваемый мыслительно-коммуникативный фон... претерпевает ряд семантических изменений»¹¹.

В нашем случае диалогичность текста миниатюры, ориентация на определенный образ адресата, попытка согласовать ценностные ориентации автора и читателя одним из средств своего обнаружения имеют семантические модификации слова *война* с учетом стоящей за ним ситуации, а также фоновых знаний и норм. Интерперсональные действия (включая речевые) предполагают определенные цели, которые достигаются теми или иными средствами. Диалектика цели и средства (в нашем случае языкового) удачно раскрыта в статье экономиста В. Селюнина: «Между целью и средствами расхождений не существовало, как их вообще не бывает в жизни. Ведь средства — это и есть цель в действии, в движении, в повседневной практике; в ином обличье, кроме как через средства, цель проявиться не способна»¹². До сих пор в анализе акцент делался преимущественно на расхождении фрагмента тезауруса и тематической сетки текста, обусловленных актуализацией определенных сем как явления коммуникативного, связанного с рематической направленностью актуального членения, выдвижением не любых, а коммуникативно значимых элементов смысла.

Но проекции многих слов гнезда на лексическую структуру текста носят и предсказуемый характер, поскольку отражают достаточно стандартные связи. Это относится прежде всего к тематически ориентированной в данном тексте лексике. Так, отношениями видовой зависимости связаны с ядерным словом *солдат* иные обозначения субъекта на войне: *офицер, конвоир*. С опорой на слово гнезда *враг* выстраивается текстовая парадигма слов, связанных с ним отношениями семантического сближения и противопоставления: *немец, фашист, камрад*. Со словом гнезда *вооружение* соотнесены текстовые номинации *автомат, стрельба, очередь* (на следующем семантическом шаге — действие и способ действия с помощью данного вида оружия). В семантической зоне слова гнезда *поражение* находятся текстовые номинации *смерть* (следствие поражения), *убитый* (участь потерпевшего поражение), *боль, ужас, страх* (состояние потерпевшего поражение). Со словами *солдат* и *доспехи* (по семе 'вои-') связаны обозначения предметов воинской амуниции — *сапоги, каскетка*.

Таким образом, в рассмотренном случае фрагмент тезауруса

при ограниченном количестве семантических шагов прогнозирует то, что обусловлено общностью темы, оставляя за пределами предсказуемого многое из того, что связано с ее интерпретацией.

Потребности интерпретации могут вызывать глубокую разработку темы, обозначенной не дескриптором, а словом гнезда. Так, слово *оружие*, отсутствующее в гнезде дескриптора *война*, введено в качестве рядового члена в гнездо дескриптора *орудия* по семам 'приспо-', 'тех-', 'средс-'. Однако это слово тяготеет и к членам рассмотренного выше гнезда *война: вооружение, вооружать*.

Словом *оружие* названа еще одна миниатюра Ю. Бондарева. Ее тематическая сетка выстраивается с опорой на межгнездовые связи слов *война* и *оружие*. Здесь детально разработана прогнозируемая РСС система родовидовых отношений, отношений части — целого, предназначенности и др. Ср.: *орудие* (смерти) — *оружие* — *парабеллум* (*рукоятка, спусковая скоба, спусковой крючок, предохранительная кнопка, патроны*), а также *браунинг, вальтер* (*ствольные коробки, рукоятки, мушки, дульные выходы, пульки*), они же названы *пистолетами* (родовое обозначение), *шмайссер* (тут же родовое — *автомат*), *пищали, сабли, кортики, кинжалы, секиры, пистолеты*. И далее: *оружейные ложки, эфесы, рукоятки мечей*. Прозрачные связи с обозначением материала, из которого сделано оружие: *металл* парабеллумов, *никель* ствольных коробок. Конечно, такая детализация, с включением серии элементов военной терминологической парадигмы, в художественном тексте не случайна: она задана образом автора — участника войны, знающего толк в оружии и ценящего его своеобразную красоту и целесообразность. Этот мотив обращения к теме изложен в зачине: «Когда-то, очень давно, на фронте, я любил рассматривать трофейное оружие» (24).

Этот аспект обусловил способы выражения субъективной модальности, любования красотой и целесообразностью: «гладко отшлифованный металл», «вороненая чернота», «игрушечная миниатюрность», «пленительный перламутр рукояток», «изящные мушки», «в этих пистолетах все было удобно, аккуратно, все сияло женственной нежностью, и была ласковая смертельная красота в легких и прозрачных крошечных пульках», «совершенный по форме автомат», «эстетическая стройность прямых линий и металлических изгибов». Такая поэтизация оружия оправдана тем, что оно — воплощение «человеческого таланта». Но вся миниатюра построена на контрастах (ср. начало «*когда-то*» и конец: «*Теперь же*, проходя по залам музеев, увешанных оружием всех времен... я с тошнотным чувством сопротивления спрашиваю себя: «Почему люди, подверженные, как и все на земле, ранней или поздней смерти, делали и делают оружие красивым, даже изящным, подобным предмету искусства? Есть ли какой-нибудь смысл в том, что железная красота убивает са-

мую высшую красоту творения — человеческую жизнь?») (26). К этому выводу подводят читателя и более ранние фрагменты: «...во всем готовом к убийству механизме была чуждая томящая красота, какая-то тупая сила призывает к власти над другим человеком, к угрозе и подавлению» (25); «Тогда, более тридцати лет назад, я многого не понимал и думал: наше оружие грубее немецкого, и лишь подсознательно чувствовал некую *противоестественность в утонченной красоте орудия смерти, оформленного, как дорогая игрушка, руками самих людей, смертельных, недолговечных*» (Там же).

Таким образом, лирико-философский характер миниатюры как отражение авторского замысла обусловил зоны расхождения (и очень значительные) фрагментов тезауруса и тематической сетки текста, привел во взаимодействие члены разных смысловых зон. Система номинаций эстетического плана служит основой утверждения о подлинной красоте, свойственной только жизни в ее противостоянии смерти. Между этими полюсами располагается весь спектр эстетических обозначений: «чуждая томящая красота», «ласковая смертельная красота», «гармонично сконструирован... совершенный по своей форме автомат», «эстетическая стройность линий и изгибов», «утонченная красота орудия смерти», «железная красота», «красивый, даже изящный, подобный предмету искусства», «высшая красота творения — человеческая жизнь». С этим же связана пространная текстовая парадигма слов, объединенных общим смыслом 'уничтожение': *убийство, сила, власть, угроза, подавление, смерть, смертельный, недолговечный, убивает*. В миниатюрах, как в стихотворном тексте, видимо, в силу их лирической направленности, тоже можно видеть тесноту и предельную концентрированность смысла. Изображение динамики авторского отношения к предмету обусловило темпоральный способ представления содержания с вынесением в абзацную строку временных наречий: *когда-то, тогда, теперь же* (частица с противительным значением).

Следовательно, если видеть в тематической сетке текста иерархию тем, субтем, субподтем, то в рассмотренном тексте тема 'оружие' оказывается на иерархически более низком уровне, чем тема 'красота', имеющая более общее, лирико-философское истолкование, чему способствует и предикатный характер его семантики, как и тех ключевых слов, которые с ним наиболее тесно связываются: *жизнь, смерть*.

Следующая миниатюра, соотносимая по заглавию со словом-дескриптором, — «Воображение». Состав семантических множителей заглавного слова почти полностью преломляется у слов, входящих в тематическую сетку текста, хотя прямое соответствие (по составу членов) обнаруживает только одно слово *сознание*. Его семный набор в гнезде 'ум', 'мысл-', 'способн-' по-разному отражен в текстовых употреблениях: «И, сидя на постели с облегчающим *сознанием* вернувшегося прошлого, он увидел то

юношеское, случившееся с ним в сорок первом году...» (48), где не актуализируется сема 'ум-' (сознание здесь 'способность мыслить, осознавать события после пробуждения'). Ср.: «Что с тобой? С кем ты разговариваешь? Ты не заболел, дорогой? — зазубренным острием толкнулся в его *сознание* встревоженный голос жены, зашевелившейся рядом, и он, еще не очнувшись, в состоянии медленного падения, проговорил хрипло...» (49), где сема 'ум-' уже не исключена, как и в следующем: «Но что тянет мое *сознание* к той девочке, к тому жаркому дню сорок первого года?» (Там же), хотя здесь еще содержится народная сема 'сердце'.

Таким образом, в зависимости от угла зрения в «светлое поле сознания» попадают те или иные признаки, фиксируемые в значениях опорных слов текста: *воображение, сознание, воображать*. Другие текстовые номинации объективируют различные семантические множители дескриптора или членов гнезда. В тексте это прежде всего группа глаголов восприятия, связанных с глаголами мышления своими вторичными значениями. Большая их часть тяготеет к исходному для дескриптора глаголу *воображать* (ср.: «я *воображаю* немислимое — и кончу плохо» (49), обнаруживающему максимальную близость с отглагольным дерииватом по семам: 'счест-', 'вообр-', 'предпол-', 'мысл-', 'представ-'. Это глаголы *ощущать, увидеть, испытывать, почувствовать, очнуться, сниться, помогать*шие представить воображаемые события как реально существовавшие в жизни персонажа и часто ему затем снившиеся. С опорным глаголом *воображать* связаны в тексте глаголы той же ЛСГ «мыслительная деятельность» *мечтать* и *помнить*. В границы тематической сетки текста включается и неглагольная лексика, имеющая в своем составе хотя бы одну из сем дескриптора: *сон* (по семе 'фантаз-'), *мысль* (немислимое по семам 'фантаз-', 'мысл-').

Таким образом, соотнесение тематической сетки текста с фрагментом тезауруса составом семантических множителей дескриптора позволяет вскрыть синтагматику мысли, механизм порождения текста в его компрессированном виде. То, что синкретично дано в дескрипторе, развертывается с теми или иными модификациями в семантической сетке текста.

Философская проблема жизни и смерти решается и в другой миниатюре Ю. Бондарева «Дыхание». Это слово — лейтмотив всего текста: «С трудом я уловил наконец ровное дыхание жены...» (112); «Я прислушивалась к твоему дыханию...» (113); «Я тоже слушал... твоё дыхание, милая»; «И я обнял ее, чувствуя родственное тепло ее плеч, ее живое дыхание на своей щеке. Больше мне ничего не было нужно...» (Там же).

При этом ни один из семантических множителей слова *дыхание*, включенного в статью дескриптора, не актуализирован в тексте 'углек-', 'кислор-', 'погло-', 'легки-', 'втя-', 'обмен-'. Из состава же семантических множителей самого дескриптора, включа-

ющего и опосредованные, ассоциативные и ситуативные указания, наибольшей яркостью обладает сема 'жи-', отодвигаются на второй план, теряют яркость семы 'ды-', 'процесс-', 'выдел-', 'возд-', 'организм-'. Характерно, что сема 'жи-' дана в статье как самая частотная (51). Эта сема актуализована и в семантическом согласовании с определениями *ровное, живое*. С ней ассоциативно связаны слова звуковой семантики: *голос, прозвучать, позвала, шорох, звук, тугие удары* (с ними отношения цели связаны слова *предупредить, спасти, помочь, ответ (сердца), звала* (с многократным повтором). Таким образом, в данном случае одна из сем дескриптора с большой долей вероятности программирует развитие темы ценности жизни, ее хрупкости. Контрастный способ раскрытия замысла характерен и для этой миниатюры: в ней выстраивается полярная тема небытия, граничащего со смертью: «черное пространство сна», «бесплотный голос», «показалось», «почудилось», «приснилось», «опасность», «несчастье», «предчувствие», «безмолвие», «страшно», «одинокое».

Так тема предчувствия опасности смыкается с темой любви и одиночества.

Если в рассмотренной новелле самая частотная сема дескриптора играла рематическую, определяющую роль в экспликации авторского замысла, то иную функцию она выполняет в миниатюре «Лицо» (в перечне семантических множителей соответствующего дескриптора максимальной частотностью обладает сема 'чел-'). Именно эта сема в силу ее обобщенности и как бы неизбежности в выражении отношений принадлежности оказывается семантически опустошенной в текстовом использовании. Она актуализирована лишь в нескольких случаях: 1) когда с ее помощью нужно передать общее состояние человека, отражающееся на его лице: «В тот день он [муж] показался мне уж совсем чужим, непривычно напряженным, бледным, на нем была новая гимнастерка, новая портупья, а рубиновые кубики лейтенанта в петлицах почему-то особенно испугали меня» (115); «враждебные лица», «веселые лица солдат»; «изможденные лица [пленных]»; «Я вся сжалась, решив, что он смеется надо мной, над моим убогим видом, над моим жалким лицом» (117); 2) когда нужно ввести в поле зрения новый персонаж (эта функция была дополнительной и в случае: «среди белых пятен лиц увидела молодое лицо пленного». Характерно, что способом актуализации значения слова *лицо* здесь выступает деактуализация всех семантических признаков, кроме потенциального цветового в начале предложения. Это явный сигнал того, что в последующем тексте будут раскрыты мотивы подобного противопоставления. И далее в поле зрения и внимания героини попадает только это лицо и настойчиво актуализируется сема дескриптора (кстати, не отмеченная у слова *лицо* в составе статьи): «...увидела глаза, через головы людей вонзившиеся в мои глаза,— неподвижные, восторженные, родные и чужие глаза (такие могут

только присниться), незнакомые и до обморока знакомые, ради которых можно было не задумываясь умереть. <...> ...и лицо, единственное в машине лицо между пятен других лиц, удалялось, но не сводило с меня расширенных глаз; то ли в ужасе узнавания, то ли в нечеловеческой муке, эти глаза из сотен людей на площади видели лишь одну меня, а я видела только это лицо, только этот взгляд (слово не включено в статью дескриптора, но передает типовые отношения 'действие (результат), орудие, предназначенное для этого действия'.— Н. С.) и, провавшись через толпу, бежала за машиной, как в сумасшествии, будто по неземной райской дороге, проложенной лучом (сближение, согласованное со словом *взгляд* по семе 'направленность'.— Н. С.) его взгляда, обещавшим блаженство, счастье, нескончаемую радость» (119). И далее опять возвращение к лейтмотиву: «Это лицо в машине, нашедшее меня среди сотен людей, не могло быть враждебным, убившим моего мужа, и хорошо помню, что я целый день ничего не видела, кроме этого лица» (120). Здесь уже по мере семантического обогащения в тексте *лицо* вбирает в себя семы 'человек', 'взгляд', возникает речевая многозначность. В финале смыслы опять дифференцируются: «...теперь почему-то все чаще, все радостнее мне снится тот незабвенный день, площадь, толпа и это лицо, это замершее восторженное выражение глаз, и я вижу во сне себя, в безумии надежды бегущую за машиной» (120). Слова, координирующие с полем дескриптора, в тексте образуют определениями (указательного или характеризующего свойства), ни одно из которых не представлено в гнезде РСС. Наряду с другими средствами они высвечивают те семы (часто потенциальные), которые необходимы для выражения авторской интенции.

Поскольку раскрытие темы не исчерпывается описанием денотативной ситуации, а связано с объективно-субъективными моментами процесса отражения и их языковой объективацией, с познавательным и коммуникативным преобразованием, каким предстает отражение объективной действительности при коммуникативном подходе, постольку «отлет» лексической структуры текста от структуры поля дескриптора может быть очень существенным, однако не достигающим полного разрыва с ним. Это нужно признать существенным признаком текстов, тяготеющих к жанру философских сочинений, субъективный момент усилен лирической направленностью миниатюр. В одной из них под названием «Богатство» выстраивается совершенно особая иерархия тем, подтем и субподтем. Ее вершина задана следующей сентенцией: «Всякая *система* нередко лежит рядом с *антисистемой*, поэтому альтернатив нет разве только в Дантовом аду» (121). Она сопровождает раздумья о судьбах культуры и альтернативный способ описания тематической ситуации. Система несет в себе идею созидания, накопления, творчества, антисистема — разрушения, истребления, исчезновения.

В границах этого противопоставления (и здесь свойственное писателю контрастное видение мира) выстраивается цепочка номинаций, которую можно схематически представить следующим образом:

Богатство, бесценное сокровище, по крупницам... накопленное народом и народами

Культура — духовная и душевная наполненность, состояние счастья, радости бытия

Культура совершенствует прогресс, творчество, создает строгие нравственные таможни

Человек, гомо фабер — венец творения, добро, красота, польза

Человек

Скромные плащи, козий сыр и ячменные лепешки (завтрак Сократа), простые дома

«Технологическая цивилизация» — комфорт, бездумная разрушительность и синтетические новшества, видимость прогресса

Масскулатура (окказ. контаминация слов *мускулатура* и *массовая культура*) — урбанистическая действительность прагматизма, власти денег, неверия и лжи

Ненасытная алчность, миллионы невинных жертв, заболоченные поля, безобразные бетонные города, высохшие реки, горы мусора на изуродованной земле

Золотой телец — безликий и беспощадный властелин нашей действительности; мифический, придуманный чиновниками план, за которым уже не видно человека

Из 11 семантических множителей дескриптора лишь четыре актуализированы в словах правого и левого столбца: 'богат-', 'матер-', 'ценн-', 'деньг-'. Косвенное указание на сему 'человек' содержит слово *богатый* в статье дескриптора, а также слова *благо*, *творчество*, *массовый*. Актуальным для текстовых смыслов оказалось слово *техника*, соотносящееся с дескриптором по семам 'матер-', 'ценн-'. В текстовом осмыслении содержание слова *богатство* связано лишь с теми семами, которые ориентированы (или могут быть ориентированы) на духовный, нравственный мир человека. Те же (а их подавляющее большинство), которые характеризуют условия, благоприятные для человека в материальном отношении, в перспективе текста служат обозначению контрастного понятия — нищеты, понимаемой как духовное оскудение на фоне мнимого прогресса «технологической цивилизации». Таким образом, можно считать возможности статьи дескриптора прогнозирующими «от противного» в первую очередь в связи с теми коррекциями, которые вносит обильно используемая лексика социально- и эмоционально-оценочного плана, утверждающая нетривиальную систему ценностных ориентаций автора, свойственную ему систему знаний.

Итак, соотнесение фрагментов тезаурусов с тематической сеткой соответствующих дескриптору текстов обнаруживает неодинаковую прогнозирующую силу гнезд, что зависит как от свойств самого дескриптора, его тематической или рематической

ориентации, так и от роли названия текста в реализации авторского замысла. Чем своеобразнее осмысление тех или иных тематических ситуаций, чем оригинальнее картина мира, отраженная в тексте, тем реже срабатывают «контексты ожидания», предлагаемые фрагментом тезауруса. Понятие, отраженное в заглавии, допускает возможности свертывания в нем различных суждений, которые раскрываются в перспективе текста. Эта неодноплановость истолкования объясняет как избирательность отраженных в тематической сетке текста сем дескриптора, так и рассредоточенность отобранных, их «мерцание» по мере развертывания темы. Коммуникативные потребности говорящего приводят к таким иерархическим отношениям тем, подтем и субподтем, которые не предусмотрены общим тезаурусом, а также к приведению в действие межгнздовых связей. Не обнаруживается прямых корреляций между частотностью сем дескриптора и их статусом в тематической сетке текста, возможны случаи погашения всех актуальных и реализации лишь потенциальной семы слова, настойчивой актуализации лишь одной какой-то семы или сем, связанных с разными значениями слова. Все это свидетельствует о включенности текстового слова в особую коммуникативную систему, организуемую замыслом говорящего, который содержателен и ориентирован на определенную систему знаний о мире и нацелен на утверждение определенных ценностных ориентаций в сознании адресата и тем самым на преобразование действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // *Вопр. языкозн.* 1988. № 2. С. 45.
- ² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 14.
- ³ Залевская А. А. Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // *Значение и его вырбирование в тексте.* Волгоград, 1987. С. 88—89.
- ⁴ Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958. С. 53.
- ⁵ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- ⁶ Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // *Исследование речевого мышления в психолингвистике.* М., 1985. С. 164.
- ⁷ Петров В. В. Указ. соч. С. 42.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Русский семантический словарь / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1983. С. 3.
- ¹⁰ Баранникова Л. И. Основные сведения о языке. М., 1982. С. 49.
- ¹¹ Бричко А. С. Проблема описания семантики модальных единиц уверенности / неуверенности в коммуникативно-прагматическом аспекте // *Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика): Тез. докл. науч.-теор. конф. (Пермь, 11—14 нояб. 1988 г.).* Пермь, 1988. С. 99.
- ¹² Селюнин В. Истоки // *Если по совести: Сб. ст.* М., 1988. С. 275.